

Советская эмиграция, г. Москва
29 сентября 1962.

Сцена из спектакля «Девятый вал». Слева направо: Вовва — В. Платов, Ната — А. Антоненко, Роман — А. Грачев.

Фото Ф. ГАВДИЛИНА.

МОЛОДОЙ инженер приходит в плохую бригаду: здесь и приписки и наряды, и красавица Ната, связанная с контрабандистами, и бригадир — жулик. Но приходит молодой инженер и всех, точнее, почти всех переводит в положение. Сколько мы уже видели на сцене таких перевоплощений!

Повторения в искусстве обычно отпугивают. Кончующие на пьесу персонажи не способствуют свежести впечатлений. Но фабула, как говорил А. И. Островский, «дело неважное». Вадеев сюжет, помнящий как сценарий со всеми подробностями». Чем же так привлекает Роман, герой спектакля Московского драматического театра «Девятый вал», почему следили за ним со все возрастающим увлечением, почему Романа нельзя не полюбить?

Роман в пьесе и особенно в спектакле — характер обыкновенный и необыкновенный в то же время. Это очень существенно. Обыкновенный, то есть не придуманный, такого человека нетрудно и в жизни встретить... Необыкновенный — исключительная индивидуальность и захватывающий интерес тем сильнее, чем больше вы близки автору, артисту и режиссеру проникаете в глубины этого характера. Он очень прост, этот Роман, и одновременно так обаятельно ясен!

Как воспитывают людей? Известно, словом и личным примером. Но словами Роман покажу адепту скверно — попадают ему на язык все больше неуклюжие, штампованные. Что же касается личного примера, то это отнюдь не выставленная напоказ демонстрация трудового энтузиазма. Все дело в качествах Романа, которые, обобщая, можно назвать душевной чистотой, светлым умом и постоянным стремлением к высокому идеалу. Стремление это неважничко, но неуловимо руководит главными поступками героя. Таким разнообразным и последовательно играет его молодой артист А. Грачев, заставляя нас задуматься во все, что происходит на сцене. Мы становимся участниками процесса мысленного героя — чуткого и восприимчивого. Вникаем в существо людей, с которыми сталкивается Роман. В переписи их взаимоотношений. В движении горячих чувств, то расширяющихся независимо и молло, то мучительно преодолеваемых. И все подчинено единой цели. Она не умозрительна, она, кажется, ни разу не декларируется. Она будто светится в глазах Романа — Грачева, утверждается в действии.

В пьесе Ю. Эдисса немало огульных недомыслов. Даже не очень дотошный критик обнаружит слишком откровенные литературные влияния, погрешности в композиции, нарочитые реплики... Пьеса «Яровая», порой кажется рыдлой, идее сцены — банальными. Но крепкий голос автора то и дело перекрывает навесные литератур-

рой: эпизоды, уже вот-вот готовые сорваться в бездну привычных трюфаретов, вдруг высоко поднимает к новым сердцам истинная поэзия.

И легко себе представить ремесленный спектакль, где поверхностные решения помешают выявиться лучшему в пьесе, где стремление театра к «простейшей» естественности поведения героев превратит «Девятый вал» в сто тысяч первую историю миллионного перевоплощения недостаточных в передовых.

Этого не случилось в Московском драматическом театре. Страстный и поэтический спектакль поставлен А. Гончаровым с хорошим вкусом. И, что еще важнее, с зрительным вкусом к жизни, с верою в справедливость и нужность заложенных в пьесе идей. Стремление к образной выразительности определяет эмоциональную наполненность действия, стилизованный спектакль. Укреплены, усилены события, наиболее значительные для художественного выражения идеи, характеров, затуманены или сокращены сцены иллюстративные. Идейная ясность достигается через раскрытие душевного богатства героя, всех сложностей образно воспринимаемой жизни, собранных в единый художественный комплекс, выверенный сверхзадачей. Напряженная атмосфера постановки оттеняется легкой, ажурной конструкцией художника И. Сумбатовича, смелыми локальными цветовыми оформлениями, подчеркивается острыми ритмичными музыкой В. Зельченко.

Убедленных любителей так называемой «кинематографической игры» в театре, сторонников постановочной скупости, за которой иногда скрывается боязнь театральной выразительности, может шокировать режиссерская щедрость А. Гончарова. Локальные мизансцены, выразительная сдержанность исполнителей органично переходят в эмоциональные актерские всплески, в мизансцены, как бы концентрирующие содержание эпизода... Это одна из примет стиля, утверждающегося в данном театре.

В «Девятом вале» режиссер концентрирует наше внимание на характере Романа. Успех объяснительной, искренней и умной игры Грачева во многом зависит от его партнеров. Ист, они не «подыгрывают» исполнителю центральной роли, но они постепенно так искренне, по-человечески влюбляются в Романа, что нам передается их увлечение.

Хорошо в пьесе Эдисса, что любовь здесь не «развлекательный» и не «стелющийся элемент», как это нередко бывает, — она необходима для художественного утверждения идеи. Зарывательная страстная вера в идеал нашей жизни, отгораживающая от душевной чистоте ге-

ванное артисткой А. Антоненко, и в ту жаркую любовь, что очистительной бурей принеслась сказав потускневшую бы- ло судьбу Анюты, про-

никновенно и нежно сыгранной Л. Богдановой.

Понимаешь то смешанное с недоумением восхищение, которое испытывает к Роману контрабандист Вова, восхищение, заставляющее его переосмыслить свое место в мире, признать себя способным на большие чувства, на самоотверженные поступки, а отсюда — уже несколько шагов до перелома. Так играет Вову В. Платов, убедительно и смело, — роль, которая в иной трактовке могла бы показаться шаблонной легкомысленно и даже стандартно. Очень выигрышна введенная театром с помощью автора сцена проводов Натки: здесь, как бы сводятся воедино узлы человеческих биографий, связанные либо разнзанные Рома-

ном — вполне или невольно.

Далеко не всем лицам, вовлекаемым драматургом в круг влияния героя, даны развернутые характеристики. Но в большинстве случаев театр сумел развить авторские на-

меки. Пожалуй, наиболее интересно сделана это Б. Виноградов, любящий роли Антова несомненно содержательности. Углубляется «характер» сильный, крайний: этот уж если встал на свою линию — не свернет.

Юмором и актерским тендом воплощает И. Кастель явные брешы в обрисовке автором парторга Аколо-

Среди тех, с кем Роман находится в прямом конфликте, самое важное место занимает Селого. Н. Никомором чуждо и жестко разлагает самоуверенное тщеславие, которое подчинило себе характер этого персонажа: неприятнейшая получается личность. А Шишов принципиально разлагает Павла, сына Селого, и не вина актера, что ему не хватает материала для того, чтобы выяснить, куда же движется судьба этого человека, искалеченного отцовским воспитанием...

Пора сказать, что в Москве на Малой Бронной появился новый театр, хоть и под старой вывеской: «Девятый вал» — спектакль этого нового театра.

Вл. БЛОК.